

ОТМЕНА ОПРИЧНИНЫ

После пожара в Москве в 1571 г. правительство начало исподволь готовиться к упразднению опричных порядков. Угроза татарского вторжения ускорила слияние военных сил опричнины и земщины. Опричники стали получать общие назначения с земцами и нередко поступали под начальство старших земских воевод. Битву при Молодях выиграла объединенная армия. При ее формировании Разрядный приказ полностью игнорировал деление дворянского ополчения на два отдельных войска.

Вскоре же власти приступили к устранению многочисленных перегородок между опричниной и земщиной в сфере административного управления. В начале 1572 г. царь объявил о восстановлении в Новгороде древнего наместнического управления и назначил старшим наместником боярина Ивана Мстиславского. Опричный боярин Петр Пронский, возглавлявший до того администрацию Новгорода, был переведен из опричной половины в земскую в подчинение Мстиславскому. Раздельному управлению Новгорода пришел конец,

хотя формально деление Новгородской земли на две половины продолжало существовать.

В связи с введением наместничества в Новгороде правительство провело объединение финансового управления страны, опричной и земской казны. Опричный печатник был переведен на земский Казенный двор и стал помощником земского казначея. Свезенные в Новгород сокровища были уложены в церковных подвалах на Ярославовом дворище, поступив в ведение единого казначейства. Замечательно, что описанные преобразования военного, административного и финансового порядка были осуществлены незадолго до вторжения татар в 1572 г., когда перспектива неблагоприятного исхода войны казалась царю достаточно реальной. Именно в это время Иван отпраздновал свадьбу с Анной Колтовской и внес в черновик завещания распоряжения относительно новой жены. Работая над текстом завещания, Грозный включил в него короткую, но многозначительную фразу об опричнине: «А что есми учинил опришнину, и то на воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов». Одной фразой царь выразил полное равнодушие к судьбе опричнины. Вопрос о дальнейшем существовании или отмене опричных порядков он целиком оставлял на усмотрение наследников.

Множество признаков указывало на то, что опричные порядки доживают последние дни. Против обыкновения власти в начале года не взяли в опричнину новых уездов. Остановилось строительство опричных крепостей. Английский посол был уведомлен о прекращении секретных переговоров по поводу предоставления царской семье убежища в Англии.

Грозный долго не решался отдать приказ о роспуске опричной гвардии. Известие о разгроме татар под Москвой, по видимому, положило конец его колебаниям. Царь праздновал победу в течение двух недель. В Новгороде не умолкал колокольный звон. Во всех церквях служили торжественные молебны.

Забавы и пиры не мешали казням. Между рассказами о торжествах местный летописец поместил следующую лаконичную

запись: «Того же лета царь православный многих своих детей боярских метал в Волхову-реку, с камением топил». В Новгород царя сопровождали в 1572 г. особо доверенные дворяне из опричников. Они-то и стали жертвами царского гнева. Новое руководство старалось держать в страхе опричную гвардию в момент, когда роспуск опричного корпуса и ликвидация опричных привилегий были поставлены на повестку дня.

С падением опричнины начался пересмотр служилого землевладения в опричных уездах. В наибольшей мере новая земельная перетасовка затронула верхушку опричнины, то есть тех дворян, которые успели выслужить в опричнине чины и поместья, а также тех «иногородцев», которых перевели в опричнину из других уездов. Они должны были расстаться с землями, конфискованными ранее у земских дворян. Масса местных служилых людей, перешедшая в опричнину с уездом, вероятно, сохранила свои земли, но лишилась права на опричные «прибавки». Так была упразднена главная привилегия опричнины: более высокие по сравнению с земскими земельные оклады. Поскольку мелкие и средние землевладельцы получали добавочные земли исключительно на поместном праве, новый земельный пересмотр в опричнине свелся к повторному перераспределению поместного фонда.

До последних дней опричнины сохраняло силу завещание Грозного. Проект раздела государства, изложенный в духовной, в конце опричнины приобрел новую направленность. Царь намеревался передать младшему сыну и царице Анне почти все главные опричные уезды, расположенные в центре государства: Суздаль (с 1565), Кострома (с 1567), Ярославль и Ростов (с 1569). Самодержец изверился в спасительности опричнины и в соответствии с завещанием намеревался перевести дворян названных опричных уездов на удельную службу, то есть отставить их от руководства царством. Опорой наследника Ивана должна была стать земская половина Московской земли.

Последним достойным завершением опричных деяний явился царский указ 1572 г. о запрещении употреблять самое

название «опричина». Нарушителям указа грозило строгое наказание: «Виновного (болтавшего об опрличнине) обнажали по пояс и били кнутом на торгу». Эта мера, казалось бы, свидетельствовала о полном искоренении опрличных порядков и служила своеобразной оценкой опрличнины со стороны Грозного и его «нового руководства». Но более верным представляется другое объяснение. Власти боялись нежелательных толков и старались предотвратить критику ненавистных опрличных порядков, принуждая всех к молчанию.

Опрличные насилия над высшими церковными иерархами и грабеж церковных имуществ осложнили взаимоотношения монарха с духовенством. В сентябре 1573 г. государь обратился с обширным посланием к братии Кирилло-Белозерского монастыря. С притворным смирением он писал о том, что никогда не дерзнет учить подвижников пречистой обители: «Увы мне, грешному, горе мне, окаянному, ох мне, скверному! Кто есмь аз, на таковую высоту дерзати?» Государь спешил покаяться во всех смертных грехах: «А мне, псу смердящему, кому учить и чему наказати, и чем просветити. Сам всегда в пиянстве, в блуде, в прелюбодействе, во скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе». Самообличения перекликались с покаянными словами неоконченного завещания. Но после всех ужасов опрличнины признания самодержца приобрели зловещее звучание. Слова об убийстве напоминали о судьбе митрополита Филиппа Кольчева, архиепископа Филофея Рязанского, солочинского архимандрита Исаака (он был казначеем рязанского епископа), троицкого архимандрита Памвы, архимандрита Антониева монастыря Геласия, нижегородского печерского архимандрита Митрофана, псковского печерского игумена Корнилия, других иноков и стариц. Все они были убиты или подверглись насилию. Убийство священнослужителей всегда считалось худшим смертным грехом, так же как и ограбление монастырей и церквей.

Непосредственным поводом для обращения царя к кирилловским инокам была смута, вызванная ссорой между двумя монахами из бояр — Шереметевым и Собакиным.

Иван Большой Шереметев был изгнан из Ближней думы царя после падения Адашева. Накануне опричнины он был посажен в тюрьму и подвергнут пыткам, а затем отпущен. 7 июня 1571 г. боярин принял пострижение в Кирилло-Белозерском монастыре.

Василий Степанович Большой Собакин по случаю брака дочери Марфы с царем был произведен в бояре. После смерти царицы Марфы он должен был покинуть двор и постригся в Кириллове. Осенью 1573 г. царь сетовал, что уже год, как длится ссора Собакина с Шереметевым, смущающая покой не только монахов, но и его, царя.

В конце 1572 г. племянники Варлаама пожаловались Ивану, что их дяде чинят притеснения «для Шереметева». Царь обещал вызвать тестя в Москву, но из-за немецкого похода «зимусь» (зимой) не успел послать за ним гонца. Гибель Малюты изменила ситуацию. «Веснусь» 1573 г. племянники Собакина послали в Кириллов некую «злокозненную грамоту» как бы от имени царя в защиту Варлаама. Но фортуна отвернулась от Собакиных. Грозный уведомил иноков, что велел казнить племянников Варлаама Собакина за то, что хотели известить чародейством царя и его сыновей. Имена казненных записаны в Синодик. Не ранее весны 1573 г. Варлаам был наконец вызван в столицу, где имел долгую беседу с зятем. «И он заговорил вздорную, — сообщил Грозный монахам, — на вас доводити учал, что будто вы про нас негораздо говорите с укоризною». Извет Собакина проясняет вопрос о целях его миссии в Кириллов.

Столкновение в обители имело характерную особенность, до сих пор ускользавшую от внимания исследователей. Шереметев и его сотоварищ Иона, в миру боярин Иван Хабаров, были земскими людьми, Варлаам Собакин был членом опричной думы. Царь послал тестя в Кириллов, по-видимому, как соглядатая, для «розыска» о кознях иноков-бояр. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы Грозный не отменил опричнину.

Иван IV охарактеризовал конфликт достаточно точно, с помощью евангельской притчи. Он писал монахам: «Есть бо в вас Анна и Каияфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат —

Варлам Собакин, понеже от царские власти послан». Анна и Кияфа несли главную вину за погибель Христа, тогда как римский прокуратор Пилат подчинился им и «умыл руки».

В своем послании Грозный многократно подчеркивал, что Собакин явился в обитель как его личный представитель, и выражал обиду, что монахи стали на сторону Шереметева: «Собакин приехал с моим словом, и вы его не поберегли... моего слова болши Шереметев».

Грозный отменил ненавистную стране опричнину, но он все еще находился под властью представлений о великой боярской измене. Эти представления приобрели у него характер навязчивой идеи. Сквозь их призму он склонен был оценивать состояние монашеского благочестия в целом.

Жертвуя земли и прочие богатства монастырям, бояре, по мысли государя, приобретали непомерное влияние на весь строй жизни в монастырях. Прежние подвижники, утверждал монарх, не гонялись за боярами, не говорили слов: «Яко толко нам з бояры не знатся — ино монастырь без даяния оскудеет». Но нынешние монахи гоняются за боярами ради их богатств, что и приводит в упадок святые обители.

Пагубное влияние бояр на честное монашеское житие, заявлял царь, сказалось во всем. Поселяясь в обители, бояре нарушают строгие монастырские уставы и вводят свои, «любо-страстные уставы», не хотят жить «под началом», бесчинствуют, развращают братию пирами. Грозный называл по имени виновников гибели благочестия: знаменитый боярин Василий Шереметев, в иночестве Васьян, испроверг честное жительство в Троице-Сергиевом монастыре. Его сын Иона Шереметев тщился погубить последнее светило — Кирилло-Белозерский монастырь. Особым нападкам царь подверг за неблагочиние Симонов и Чудов монастыри, близкие к опричному руководству. Монахи, писал Грозный, ввели столько послаблений, что «помалу, помалу и до сего, яко же и сами видите, на Симонове, кроме сокровенных раб Божих, точию одеянием иноцы, а мирская вся совершаются, яко же и у Чюда быша среди царствующего града пред нашими очима — нам и вам видимо».

Давно минуло время, когда Иван с немногими близкими людьми без всякой охраны предпринимал длительные поездки на богомолье и усердно молился в храмах самых известных обителей страны. После опричной грозы он утратил многие илюзии. В 1573 г. монарх пришел к заключению, что благочестие на Святой Руси угасает. «Ныне у вас Шереметев, — пенял государь чернецам, — сидит в келии что царь, и Хабаров к нему приходит, да и иныя черныцы, да едят, да пикют что в миру. А Шереметев нивести с свадьбы, нивести с родин, розсылает по келиям пастилы, ковришки и иныя пряныя составныя овощи», «а инии глаголют, будто де, вино горячее потихоньку в келию к Шереметеву приносили». Возмущало государя и то, что монастырские власти дозволили боярским людям выстроить для старца Ионы особую поварню и двор за монастырем для его людей да избу с годовым запасом еды.

Свое послание в Кириллов Иван закончил словами о том, что он умывает руки: «Как лутче, так и делайте! Сами ведаете, как себе с ним (Шереметевым) хотите, а мне до того ни до чего дела нет!» Государь сетовал на монахов, сколько они будут докучать ему своими нелепыми ссорами: «Доколе молвы и смущения, доколе плица и мятежа, доколе речи и шептания и суесловия». О возвращении Собакина в Кириллов речь не шла, а следовательно, смута в обители лишилась почвы. Самодержец и сам знал это. «А вперед бы есте о Шереметеве, — приказывал он старцам, — и о иных о безлепицах нам не докучали».

Преращение смуты не устраняло опасности. Братия Кирилло-Белозерского монастыря разрешила княгине Воротынской построить церковь над могилой боярина князя Владимира Воротынского. Боярин не был замешан ни в каких изменах и умер задолго до опричнины. Государю понадобились хитроумные доводы, чтобы доказать, что старцы поступили недостойно: «Аз же глаголю, яко не добре, по сему первое яко гордыни есть... Второе, и сие зазор не мал, что мимо чудотворца над ним (Воротынским) церковь... А и украшение церковное у вас вместе бы было, ино бы вам то прибылние было, а того бы розходу прибыльного не было — все бы было вместе, и молитва

совокупная». Как видно, понятие «прибыльность», употребленное в царском завещании в связи с отменой опричнины в 1572 г., включало, кроме чистогана, еще и высшую пользу.

Грозный не забывал о «прибыльных расходах» монастыря и в 1572 г. поручил князю Борису Тулупову отвезти в Кирилло-Белозерский монастырь 2000 рублей вклада. Таких пожертвованных не мог сделать ни один боярин.

Рассуждения насчет упадка благочестия в главнейших монастырях служили обоснованием для последующих практических мер. «У Троицы в Сергиеве, — негодовал монарх, — благочестие иссякло и монастырь оскудел...» Государь не спешил наполнить троицкую казну, напротив того, распорядился в 1574–1575 гг. изъять у обители крупные суммы денег и драгоценности, некогда пожертвованные в Троицу московскими великими князьями, боярами и епископами.

Водворение бояр в Кирилло-Белозерском монастыре грозило разрушить благочестивое и твердое житие в обители. Надо отдать должное Ивану. Он видел, что угроза благочестию исходит не от одних бояр. «И только нам благоволит Бог у вас постричься, — писал он игумену и братии, — ино то всему царскому двору у вас быть, а монастыря уже и не будет». Саркастическое замечание благочестивейшего монарха обнаружило всю степень его разочарования в идеалах монашеской жизни. Кончилась целая полоса в его жизни. Мечты о пострижении и честном монашеском житии померкли.

Как полагают, благочестие сыграло особую роль в истории опричных казней.

«Царь добивался полновластия как исполнитель воли Божьей по наказанию человеческого греха и утверждению истинного «благочестия» не только во спасение собственной души, но и тех грешников, которых он обрекал на смерть». Такие представления превращали опричные казни «в своеобразное русское чистилище перед Страшным Судом». Опричнина, в восприятии Грозного, была явлением не столько политического, сколько религиозного характера. В начале 60-х гг. пове-

дение Грозного напрямую зависело от напряженных ожиданий конца света (А.Л. Юрганов).

В данной концепции главный пункт — определение времени, когда самодержец ждал Второго Пришествия. Предложенная дата не опирается на прямые и точные указания источников.

Светопреставления ждали в 7000 (1492) г. Накануне этого года византиец Дмитрий Траханиот писал в трактате «О летех седьмой тысячи», что никто не знает «числа веку» и конец мира может наступить и в 7000, и в 7007, и в 7070, и в 7700, и в 7777-м. Трактат адресовался новгородскому архиепископу Геннадию. По поручению митрополита Геннадий составил пасхалии на ближайшие 70 лет до 7070 г., но по заказу архиепископа Макария в 1540 г. были составлены пасхалии на всю восьмую тысячу лет. Задание Макария показало, что никто не придавал особого значения тому, что старые пасхалии были доведены лишь до 7070 г. Примечательно, что грек Траханиот ничем не выделил 7070 г. среди полудюжины других вероятных дат. Никаких указаний на 7070 (1562) г. как дату наступления Страшного Суда в документах времени Грозного обнаружить не удастся. «Иван Грозный находился в исключительном положении и просто не мог не думать о возможности скорого конца мира». Такие аргументы никак не могут подкрепить дату 7070 г.

Можно ли анализировать идею близости Страшного Суда как факт индивидуального сознания царя? Самодержец не был частным лицом. Факт его личного сознания неизбежно должен был превратиться в факт общественной жизни. Как таковой он непременно получил бы прямое или косвенное отражение в церковной литературе предопричного и опричного времени, в летописях, царской переписке или богословских диспутах, столь любимых Грозным.

Государь охотно обсуждал волновавшие его богословские проблемы со своими наставниками. Он учил и требовал обучения. С особым уважением и доверием монарх относился к митрополиту Макарию, одному из самых плодовитых церковных писателей своего времени. Макарий был жив в 7070 г., но

в своих многочисленных писаниях темы немедленного наступления Страшного Суда не коснулся. В переписке Грозного и Курбского, конечно же, встречаются указания на Страшный Суд, появление Антихриста. Но эти упоминания носят обычный характер, без всякого указания на то, что мир уже стоит на пороге катастрофы. Упоминания Антихриста носили характер политического выпада.

Ожидая наступления Страшного Суда, самодержец якобы и замыслил опричнину. Когда 7070 г. прошел, а зло и беззакония продолжали нарастать, монарху в соответствии с «Откровением» Иоанна Богослова оставалось выждать три с половиной года. Но он не выждал срока, и в 1565 г. ввел опричнину. Самодержец увидел главную свою функцию в наказании зла «в последние дни» перед Страшным Судом.

В развитии эсхатологических настроений наблюдалась цикличность. Любой подъем их сопровождался массовой экзальтацией, богословскими спорами и общественными прениями. После того как назначенное время истекало, страсти надолго утихали. Чем сильнее были ожидания, тем глубже было сменявшее экзальтацию равнодушие.